

Гусу, Неизвестные Глубины Облаков.

Лань Ванцзи и Вэй Усянь снова пришли на заднюю гору навестить кроликов. Лань Ванцзи, неизменно овеянный бессмертным благолепием, стоял неподалеку, а Вэй Усянь, прижимая к груди кролика, обратился к нему:

— Лань Чжань, посмотри, как выросли эти кролики! Давно мы их не видели, а они всё такие же милые, прямо из рук выпускать не хочется.

Услышав это, Лань Ванцзи издал мягкое угу и ответил:

— Очень хороши.

И впрямь: то, что Вэй Усянь пожелал прийти в Неизвестные Глубины Облаков и вместе с ним возиться здесь с кроликами, стоило тех настойчивых трудов, с какими он когда-то добился разрешения их завести. Теперь кролики разрослись и в изобилии резвились по всей горе. Видеть, как Вэй Усянь стоит перед ним и держит в руках выращенных им кроликов, было поистине чудесно — на душе царило полное умиротворение.

Вэй Усянь одарил его озадаченным взглядом. Что еще значит «хороши»? Мысленно он подумал: «Этот Лань Чжань всё такой же малословный, как и прежде, просто сущий молчун».

Словно угадав мысли Вэй Усяня, Лань Ванцзи слегка улыбнулся и снова произнес:

— Угу, кролики хороши, ты тоже хорош, и сейчас — всё хорошо.

Глядя на такого Лань Ванцзи, Вэй Усянь потер нос:

— Эх, Лань Чжань, ты опять улыбнулся. Впредь улыбайся почаще, нечего всё время ходить с каменным лицом. И еще — говори впредь чуть больше слов!

— Хорошо, — ответил Лань Ванцзи.

Эту сцену застал Цзин И, пришедший передать послание. У него отвисла челюсть, а в груди зародилось абсолютное, непередаваемое изумление: О боже мой! Неужели это тот самый холодный, молчаливый и не склонный к улыбка Ханьгуан-цзюнь?! Он действительно только что мягко и нежно улыбнулся Старшему Вэю! Пожалуй, лишь Старший Вэй обладал столь удивительным искусством — растопить лед на сердце Ханьгуан-цзюня. Уважение к Вэй Усяню в душе юноши возросло еще на несколько ступеней.

Слегка кашлянув, Цзин И привлек к себе внимание. Вэй Усянь обернулся на звук:

— О, Цзин И, ты кроликов пришел покормить? А Сычжуй не с тобой?

Лань Ванцзи же вновь обрел свое бесстрастное выражение лица и холодно спросил:

— В чем дело?

Цзин И отвесил обоим поклон и доложил:

— Ханьгуан-цзюнь, Цзинь Лин прислал письмо для Старшего Вэя.

Вэй Усянь радостно воскликнул:

— Цзинь Лин? Этот сорванец вдруг решил сам написать мне письмо? Ну-ка, дай взглянуть!

Заполучив послание, Вэй Усянь бегло пробежал его глазами. Держа бумагу в руке, он весело замахал ею перед Лань Ванцзи и с усмешкой произнес:

— Лань Чжань, Цзинь Лин пишет, что собирается на Гору Линъюй изгонять нечисть, и надеется, что я смогу ему помочь.

Лань Ванцзи спросил:

— Хочешь поехать?

Вэй Усянь гладил пушистого крольчонка:

— Конечно хочу! Этот паршивец не так часто обращается ко мне за помощью, не хочу его разочаровывать.

Лань Ванцзи откликнулся:

— Хорошо. Я улажу дела в Неизвестных Глубинах Облаков, и мы поедем вместе.

Услышав это, Цзин И подбел к Вэй Усяню и с угодливой улыбкой заискивающе произнес:

— Старший Вэй, возьмите с собой и меня!

Вэй Усянь щедро пообещал:

— Легко сказать! Возьмем тебя, да и Сычжуня заодно, отправимся все вместе.

Цзин И пришел в дикий восторг, крутанулся на месте и пулей бросился прочь с задней горы — нестись к Лань Сычжуню, чтобы поделиться радостной вестью.

В бамбуковой роще остались лишь они двое да прыгающие повсюду белые кролики, а над синеватыми камнями клубился легкий туман. Вэй Усянь опустил взгляд и рассеянно погладил длинные ушки прижатого к груди крольчонка. Подняв глаза на стоявшего рядом Лань Ванцзи с мягким выражением лица, он постепенно помрачнел, и в его голосе прозвучала тоска:

— Лань Чжань, я скучаю по старшей шицзэ. Скучаю по ее супу из корня лотуса со свиными ребрышками.

Помолчав немного, он продолжил:

— Во всем виноват я, это из-за меня Цзинь Лин с детства остался сиротой. Если бы тогда я не уперся на своем, старшая шицзэ и этот павлин не погибли бы. Я вечно думал, что смогу вершить справедливость и защищать тех, кто рядом, а в итоге... никого не уберег.

Лань Ванцзи смотрел на него взглядом, полным глубокой боли и сострадания:

— Вэй Ин...

Но, открыв рот, он не нашелся что сказать и мог лишь молча стоять рядом. Он знал: это застарелая душевная рана Вэй Усяня. Пока Цзян Чэн и Цзинь Лин своими устами не произнесут слова прощения, этот узел на сердце никто другой развязать не сможет. Впрочем, кто завязал, тот пусть и распутывает — возможно, эта поездка на Гору Линъюй поможет рассеять давнюю боль.

<http://bllate.org/book/19703/1937803>